

<https://forum.vary.ru/viewtopic.php?t=8725&postdays=0&postorder=asc&start=135>

Нюрнберг. Вторая часть.

Улица Bergstraße ведёт к площади Св. Себальда.

Покровителем города, выросшего у подножья крепости, считался святой Себальд. В окрестностях нынешнего Нюрнберга в середине XI века, согласно легенде, жил отшельник, почитаемый народом благодаря творимым им чудесам. По преданию под стенами крепости он основал капеллу Св. Петра. В середине XIII века на месте этой капеллы началось строительство церкви. Освящена она была в честь двух святых – святого Петра и святого Себальда. В XIV веке началась перестройка храма в стиле времени – готическом. Теперь он являет собой лучший пример немецкой Готики в Нюрнберге.

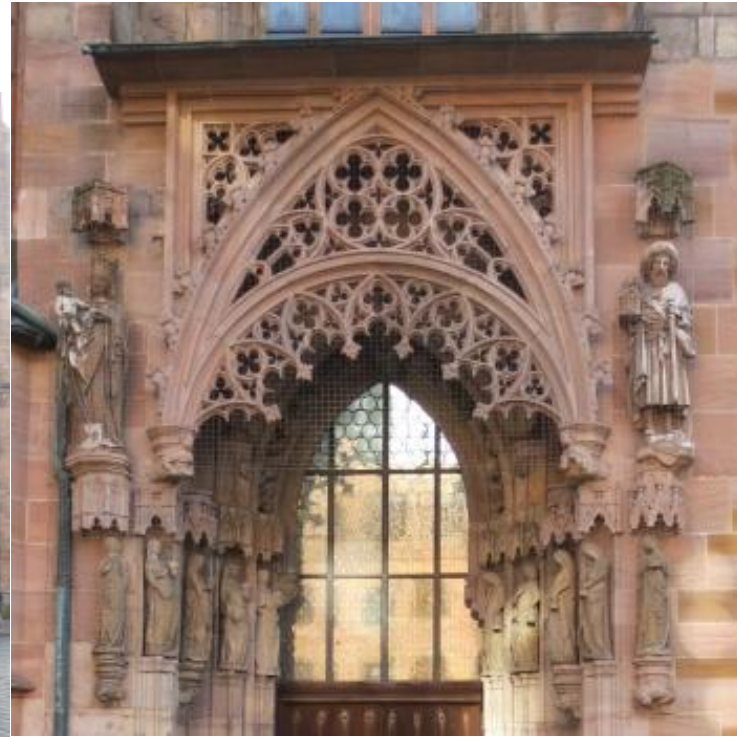
При этом западный хор остался романским. Иногда предоставляется возможность по винтовой лестнице подняться на одну из башен. И тогда по пути вверх можно прикоснуться к камням предыдущей церкви, её западного фасада XIII века. На камнях сохранились знаки мастеров-каменщиков.

Снимок этого хора (правый снимок) совсем свежий. И я к своему удивлению обнаружила на нём предвыборный портрет Харальда Польмана, скульптора и каменотёса, одного из самых активных членов Друзей Старого города. На предстоящих в марте выборах он баллотируется в Городской совет. Харальд курирует восстановление Двора Дома Пеллера. И не только курирует, он своими руками вытёсывает камни для галерей. Вообще он человек во всех смыслах замечательный.

Портал в основании южной башни. Здесь стоит огромная фигура мученика Христофора – одна из немногих сохранившихся нюрнбергских скульптур периода поздней Готики (оригинал в Герм. нац. музее). Святой мученик Христофор, один из 14-ти католических святых, помогающих в повседневной жизни, покровитель путешественников и просто попавших в беду, изображался всегда великаном с посохом в руке и ребёнком на плечах.

Справа - этот же угол церкви только изнутри. Здесь фреска с изображением того же святого Христофора.

Северный фасад церкви, выходящий на площадь Святого Себальда. Крупным планом - нарядный Венчальный портал со статуями пяти разумных и пяти неразумных дев. Разумные девы, ведомые Иисусом, изображаются всегда улыбающимися, неразумные же выглядят отчаявшимися.

Св. Матфея 25:1-13: "Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих. И как жених замедлил, то задремали все и уснули. Но в полночь раздался крик: вот, жених идёт, выйдите навстречу ему. Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут. А мудрые отвечали: чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе. Когда же пошли они покупать, пришёл жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились; после приходят и прочие девы, и говорят: Господи! Господи! отвори нам. Он же сказал им в ответ: истинно говорю вам: не знаю вас. Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придёт Сын Человеческий".

Эпитафия Петеру Фуггеру (1475) и портрет Якоба Фуггера (1520).

Семья Аугсбургских купцов и банкиров была одной из самых богатейших и могущественных семей Европы. На стене церкви Св. Себальда в Нюрнберге Фуггеры обнаружили самую старую из сохранившихся эпитафий, касающихся их семьи.

<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D1%83%D0%B3%D0%B5%D1%80,%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B1>

Набросок к этому портрету Альбрехт Дюрер сделал на рейхстаге в Аугсбурге в 1518 году, где он присутствовал как представитель от Нюрнберга.

Окна Готического хора церкви Св. Себальда.

И немного о стоящем напротив ресторане «Золотой Почтовый Горн».

Славу «Золотого почтового горна» как самого старого ресторана в Германии в конце XIX в. преумножили Георг и Нанетт Дёринг, владевшие им с 1865 г. Оформив внутреннее помещение в стиле старонемецкой уютности, они сделали его особенной достопримечательностью города. Четырёхсотлетний юбилей ресторана был отпразднован при Дёрингах, и их заведение стало самым популярным в городе. Сам Дёринг, по свидетельствам современников, был частью стильной обстановки ресторана. Во время реставрации церкви Св. Себальда друг Дёринга и завсегдатай трактира известный городской зодчий Шмис увековечил его в виде украшения сточного жёлоба на северной стороне церкви у края ската крыши, как раз напротив ресторана «Goldenes Posthorn» (правый снимок вверху).

Капелла Св. Маврикия стояла на этой площади и принадлежала кладбищу, которое окружало церковь Св. Себальда. Капелла простояла тут 631 год и погибла в одной из бомбёжек Второй мировой войны. Сейчас на пустой площади можно увидеть только контур её плана. О ней я писала раньше.

На доме пастора сохранился замечательный хёрляйн XIV века, домашняя капелла, ориентированная на восток, как и алтарь в хоре любого христианского храма.

Эта церковь владеет работами трёх знаменитых на всю Европу нюрнбергских мастеров времени расцвета города – Петера Фишера, Файта Штосса и Адама Крафта.

В 1492 г. купцу Маттэусу Ландауэру и попечителю церкви Себальду Шрайеру (две семьи, связанные родством) на внешней стороне восточного хора церкви Св. Себальда было позволено поставить фамильную усыпальницу. Рельеф «Страсти Христовы» для украшения усыпальницы был заказан городскому каменотёсу и скульптору Адаму Крафту. Более пятисот лет этот рельеф находится здесь, в нише хора напротив входа в ратушу.

В восточном хоре храма находится главное сокровище церкви – рака с мощами святого Себальда. Декоративный, украшенный серебряными чеканными гербами империи и города ларь из позолоченной меди, предназначенный для хранения останков святого, был готов в 1397 г. С 1519 года гробница, изготовленная в литейной мастерской замечательного нюрнбергского мастера Петера Фишера, является достойным обрамлением готического ларя с мощами святого Себальда. Копия гробницы представлена в Пушкинском музее в Москве.

Алтарь, находящийся между средними колоннами галереи восточного хора, стоит на месте главного средневекового алтаря церкви. Сцена Распятия над ним создана известным нюрнбергским резчиком по дереву и скульптором Файтом Штоссом. Ещё одно из интереснейших сокровищ церкви того же автора можно увидеть на стене восточного хора. Это каменный глубоко выработанный рельеф-триптих («Тайная Вечеря», «Моление на Масличной горе» и «Взятие Иисуса Христа под стражу»). Копия последней сцены представлена в Пушкинском музее в Москве.

А теперь немного о городской архитектуре. Характерные черты – простота фасадов, не выше 4-х этажей, крутые крыши, конёк дома параллелен улице. На крыше – эркеры и башенки. На фасадах, начиная с XVII века, хёрляйны (небольшие эркеры на втором этаже, изначально служившие домашней капеллой). До войны в городе их было множество. Дома в Нюрнберге не имели нумерации, её заменяли отличительные охранные знаки в виде скульптур святых, барельефов на религиозные сюжеты, скульптурных портретов владельцев, изображений животных, цветов. Всё это являлось одновременно и украшением домов. Все дома Старого города были пронумерованы революционными французскими войсками, вошедшими в Нюрнберг в 1796 году. Каждая из частей города – город Себальда и город Лоренца – получила независимую нумерацию, но перед номером дома в северной части города стояла буква S, перед номером дома южной части города – L. Такие номера до сих пор можно встретить на домах в северной части Старого города.

Дом напротив западного фасада церкви. Под крышей – изображение Главного герба Нюрнберга, ещё орёл, не орлица.

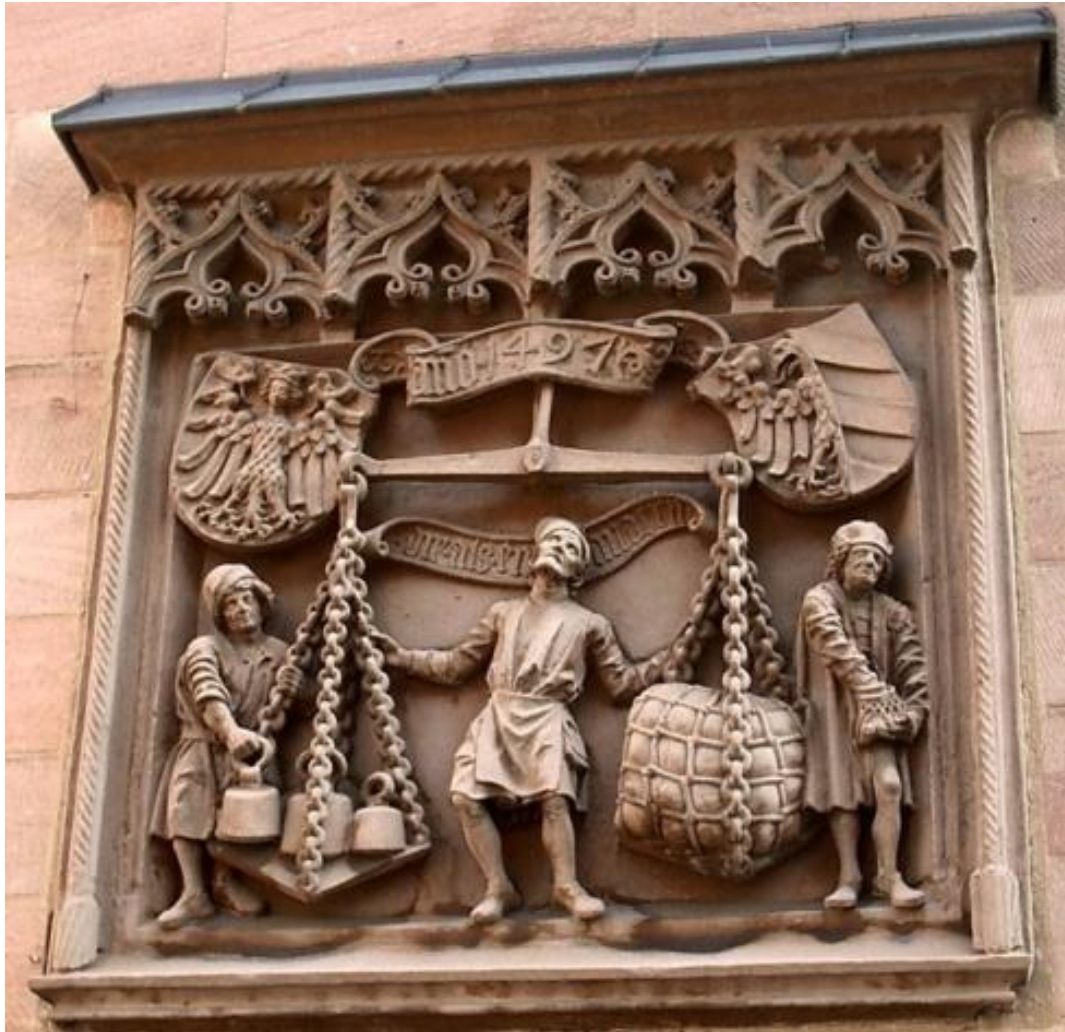
Эркер в стиле Рококо, единственный сохранившийся. В нише - фигурка святого Христофора.

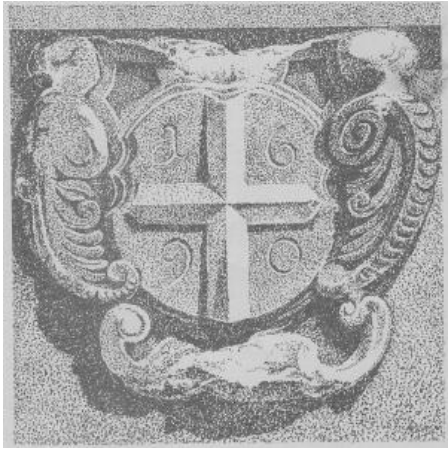

Этот дом, стоящий с южной стороны церкви, когда-то был одним из самых заметных зданий Нюрнберга. Дом относится к XV столетию, к улице обращён роскошным, да ещё и барочным, фронтоном. Совершенно необычно для Нюрнберга. На втором этаже по краям фасада украшен двумя фигурами сцены Благовещения – Дева Мария и архангел Гавриил. Согласно сохранившемуся договору от 1504 года, фигуры были заказаны Адаму Крафту.

В настоящее время выглядит довольно жутко. После войны не был восстановлен, по-видимому, хозяин не имеет денег.

На довоенной фотографии справа вплотную к этому дому примыкает здание таможни «Весы», построенное в 1497 году Гансом Бехаймом, возглавлявшим строительное управление города больше сорока лет. О нём речь шла выше. На стене этого дома виден рельеф «Весы» Адама Крафта, относящийся к выдающимся светским скульптурным произведениям конца Средневековья. Сейчас копию этого рельефа можно увидеть на здании Торговой палаты, построенном на месте «Весов».

Ещё немного о полуразрушенном доме у церкви Св. Себальда. Его фасад отмечен загадочным гербом. Красно-белый (можно увидеть следы краски) савойский крест с датой 1690. Точно известно, что уже в 1578 году этот дом называли «У савойского креста». Но что связывало владельца этого дома с далёким герцогством, никто не знает. К тому же ещё вполне загадочная дата 1690.

Улица Weinmarkt начинается от церкви Св. Себальда. Как вы уже догадались, здесь был раньше винный рынок. Тут продавались не только местные франконские вина, но и вина из различных регионов империи, в том числе - рейнские и неккарские вина.

Дом номер 6 на этой улице почти не пострадал в бомбёжках. Пришлось потом восстанавливать только крышу с эркерами. Этот дом является примером нюрнбергского жилого дома. Сразу после Реформации его купил Паулюс Праун, знаменитый нюрнбергский купец и коллекционер, открывший тут художественную галерею, собрание которой изумляло и волновало умы современников, в том числе императора и многих немецких князей. Коллекцию составляли картины Микеланджело, Рафаэля, Тинторетто, Дюрера, Кранаха, графика Микеланджело, Тициана, да Винчи, Рафаэля и Босха. Ценная серебряная посуда украшала шкафы этого дома, здесь стояли кресла, обтянутые цветной кожей, ковры, доставленные из Турции, скатерти – из Венеции. Всё это богатство дополняли золотые кубки из наследства матери коллекционера. Праун не имел прямых наследников, его единственная дочь ушла в монастырь. После его смерти какое-то время собрание удерживали племянники, но со временем знаменитая коллекция рассеялась по всему свету (часть её можно найти в замке Кобурга - Coburg). Сохранился только дом. Как и во времена Гёте, его фасад украшает роскошный хёрляйн, а у входа висит копия рельефа Адама Крафта «Святой Георг убивает дракона».

Во дворе дома сохранились колодец XVI века глубиной десять метров и уникальная деревянная резная галерея, характерная для нюрнбергских двориков. Она могла бы рассказать о знаменитостях со всей Европы, когда-то бывавших здесь. Ещё несколько лет назад можно было осмотреть дворик, пройдя через магазин-ателье на первом этаже дома. Но сменился владелец, и теперь туда попасть почти невозможно.

И ещё один дом на этой улице – самое старое сохранившееся гражданское строение в Нюрнберге. Стропила крыши этого дома относятся к 1341 году. Это бывший постоялый двор «Красный жеребец», в котором останавливался, кроме перечисленных на фасаде знаменитостей, наш Денис Иванович Фонвизин. Мой знакомый Йохан Хойслер, собравший огромный материал для двух ещё не изданных книг («Россияне в Нюрнберге» и «Нюрнбержцы в России») в городской газете того времени обнаружил запись о пребывании в городе Дениса Ивановича. А ниже отрывки из его писем.

* * * * *

Письма сестре из третьего заграничного путешествия, 1784

25 августа к обеду приехали сюда, в Ниренберг, и стали в трактире, в котором безмерная чистота и опрятность привели нас в удивление. Все улицы и дома здешние так чисты, что уже походит на аффектацию. ...

Теперь стану продолжать, тебе, матушка, мой журнал, который кончился приездом нашим в Ниренберг. Сей город положением своим очень странен: стоит весь на горах и с высокого места, каков тутошний замок, кажется не иным чем, как громадою набросанных не нарочно камней; считают в нем до восьмисот улиц, что и неудивительно, если называют улицами все по горам закоулки, какие на ста шагах обыкновенно встречаются. Невзирая на узкие улицы и на множество народа, наблюдается внутри и снаружи домов чистота отменная.

В день нашего приезда, то есть 25 августа, после обеда осматривали мы замок. По древним преданиям, здешние жители верят, что построен он Нероном. Не знаю, он ли его строил, но, по крайней мере, замок достоин быть дворцом такого чудовища, каков Нерон. Вообрази на превысокой и прекрутой горе уродливое и мрачное, большое здание. Кажется, что обитавший в нем тиран сверху попирает ногами город и что сам залез так высоко для того, чтоб спрятаться от отчаяния несчастных жителей. Словом, замок таков, в каком честный человек за все престолы света жить не согласится. Мы осматривали в нем картины Альбрехта Дюрера, славного больше за старину, нежели за искусство, потому что в его время живопись в Европе была еще в колыбели. Тут казали нам модели святых вещей, ибо подлинные сохранены и никому, кроме коронованных глав, их не кажут. Художник, делавший сии модели, не имел, кажется, нужды ни в большом труде, ни в большом искусстве. Святые вещи состоят в копье, коим Христос прободен был на кресте, в крестном гвозде, в частице самого креста, в отломке яслей вифлеемских, в лоскутке скатерти, посланной на тайной вечере, и в лоскуточке лентия, коим Христос отирал ноги на умовении. Осмотрев в замке все любопытства достойное, провели мы вечер дома с банкиром Брентанием, к которому мы адресованы. Он 26 августа поутру возил нас к купцу Вильду, который имеет прекрасное собрание картин. Мы пригласили Брентания к обеду. Я нигде не видал деликатнее стола, как в нашем трактире. Какое пирожное! Какой десерт! О пирожном говорю я не для того только, что я до него охотник, но для того, что Ниренберг пирожным славен в Европе. Скатерти, салфетки тонки, чисты – словом, в жизнь мою лучшего стола иметь не желал бы. После обеда были мы в ратуше, украшенной картинами Альбрехта Дюрера. Он родился в здешнем городе, работал много, и, куда ни обернись, везде найдешь его работу. Я сделал визит Брентанию и с ним ездил в комедию. Театришка мерзкий, и зала походит больше на чулан, нежели на залу. Жар и духота были такие, что я пяти минут не устоял, и вечер провели мы одни.

В Ниренберге много хороших живописцев и других художников, но они умирают с голоду, потому что покупать некому. Целое утро или, справедливее сказать, весь день 27 августа посещал я сих бедняков, лазил к ним на чердаки и много кое-чего накупил по моей коммерции и отправил в Петербург. Ходил по церквам, по книжным лавкам, смотрел славный бронзовый фонтан, за который государыня предлагала тридцать тысяч рублей, но меньше пятидесяти не продают; был в галантерейных лавках и пришел домой, устав как собака. Вечеру банкир Кнопф сделал мне визит. 28 августа поутру оба мои банкира возили меня в арсенал. В нем есть чего смотреть; воинские снаряды, уборы и одежда древних рыцарей весьма любопытны. Удивительно, как могли они таскать на себе такую тягость. Я не совсем бессилен, по насилу поднял копье, которым они воевали. После обеда мадам Брентания приехала к нам с двумя золовками, и мы все вечером ездили в сад к мадам Геллер, которая лицом похожа как две капли воды на княгиню Д. А. Грузинскую. 29 августа целое утро приносили ко мне из целого города картины на продажу, но я не купил ничего, видя, что считают меня проезжим богачом. В сем мнении везде обо мне останутся для того, что я русский. Во всей Немецкой земле и, сказывают, также во всей Италии слова русский и богач одно означают. ...

Скорее всего, Денис Иванович посетил собрание Прауна, так как коллекция была расформирована и покинула Нюрнберг только в 1801 году.

Просто эркер на крыше, служивший для поднятия грузов на верхние этажи.
Справа - крылатый лев с книгой, символ Венеции. Венецианского льва обычно изображают с открытой или закрытой (в военное время) книгой. Такой знак на доме в Нюрнберге означал, что владелец дома - купец, связанный торговыми отношениями с Венецией, с которой у Нюрнберга завязались отношения ещё в XIII веке. Сейчас Венеция – город-побратим Нюрнберга.

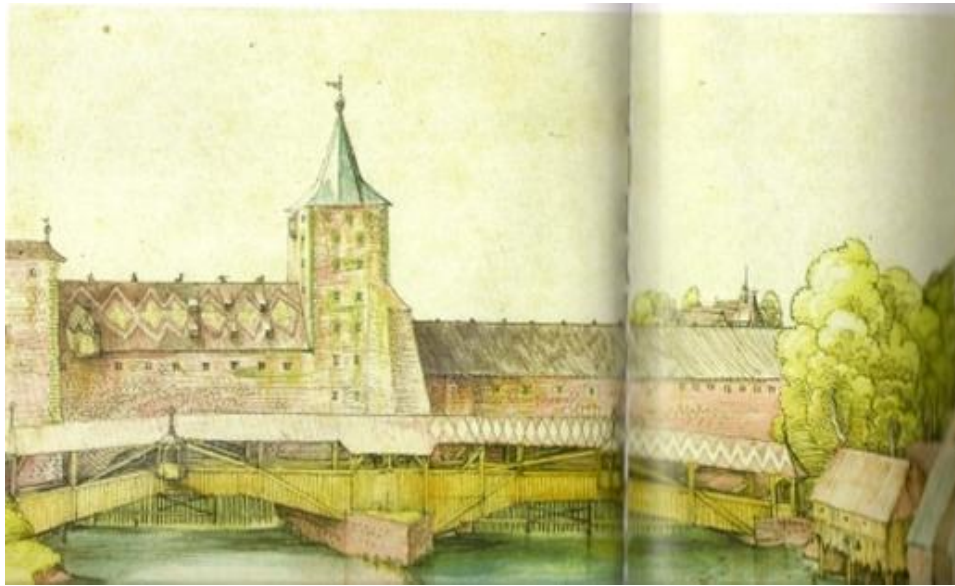
Улица Weißgerbergasse. Она спускается к реке, на ней издавна стояли дома кожевников. На этой стороне реки работали «белые» кожевники, обрабатывающие шкуры мелких животных и изготавливающих тонкую и замшевую кожу. На другой стороне реки был район «красных» кожевников, которые работали со шкурами крупного рогатого скота. А в реке и те, и другие отмывали кожи. Дома кожевников обычно были массивными и трёх-четырёхэтажными. Начиная со второго этажа, они имели широкие галереи для сушки шкур.

Большой трёхэтажный фахверковый дом с жёлтыми балками – бывшая мастерская кожевников. Этот осевший, предназначенный к сносу дом, был куплен Друзьями Старого города. Его поставили на фундамент, а потом подняли и укрепили конструкцию. Первый этаж занимает библиотека Друзей Старого города, на втором – бюро, верхний этаж сдаётся. Восстановить галереи этого здания союз не имел возможности. Но уже куплен один ветхий дом красных кожевников на другой стороне реки. В этом доме планируется восстановить галереи.

Если окажетесь в городе Нёрдлинге, пойдите обязательно в район кожевников, там сохранилось много домов с такими галереями, стоят они по берегу узенькой речки, скорее всего, просто канала. А ещё в Бамберге на берегах канала прямо за «Bamberg-Tourismus», по пути к мосту Obere Brücke.

Вид на западный портал церкви Св. Себальда. На фотографиях - сегодня и апрель 1945 года, скорее всего, 20 апреля. Шпиль церкви были прицельно снесены американцами за день или два до взятия города.

Река Пегнитц всегда играла важную роль в жизни города, она делит город на две части. Многочисленные водяные мельницы на берегах реки, где полировали, точили, резали, токарничали, всегда служили источником энергии для ремесленных производств в Нюрнберге. Это был мир блестящих изобретений. Большинство мельниц было разрушено в бомбёжках Второй мировой войны. Сейчас река с многочисленными мостиками придаёт неповторимое очарование Старому городу.

С Максова моста (Maxbrücke) открывается вид на западную часть Городской крепостной стены. На острове между двумя рукавами реки стоит построенная в 1419-22 годах мощная башня Schlayerturm, «Grünes F». Все башни крепостной стены маркированы буквами алфавита в цветах – чёрном, красном, зелёном и синим. Из-за проблем с грунтом эта башня со временем была укорочена. Во времена Дюрера берега соединялись деревянным, крытым сверху мостом. Художник изобразил его на одном из своих рисунков, который хранится в Венской «Альбертине».

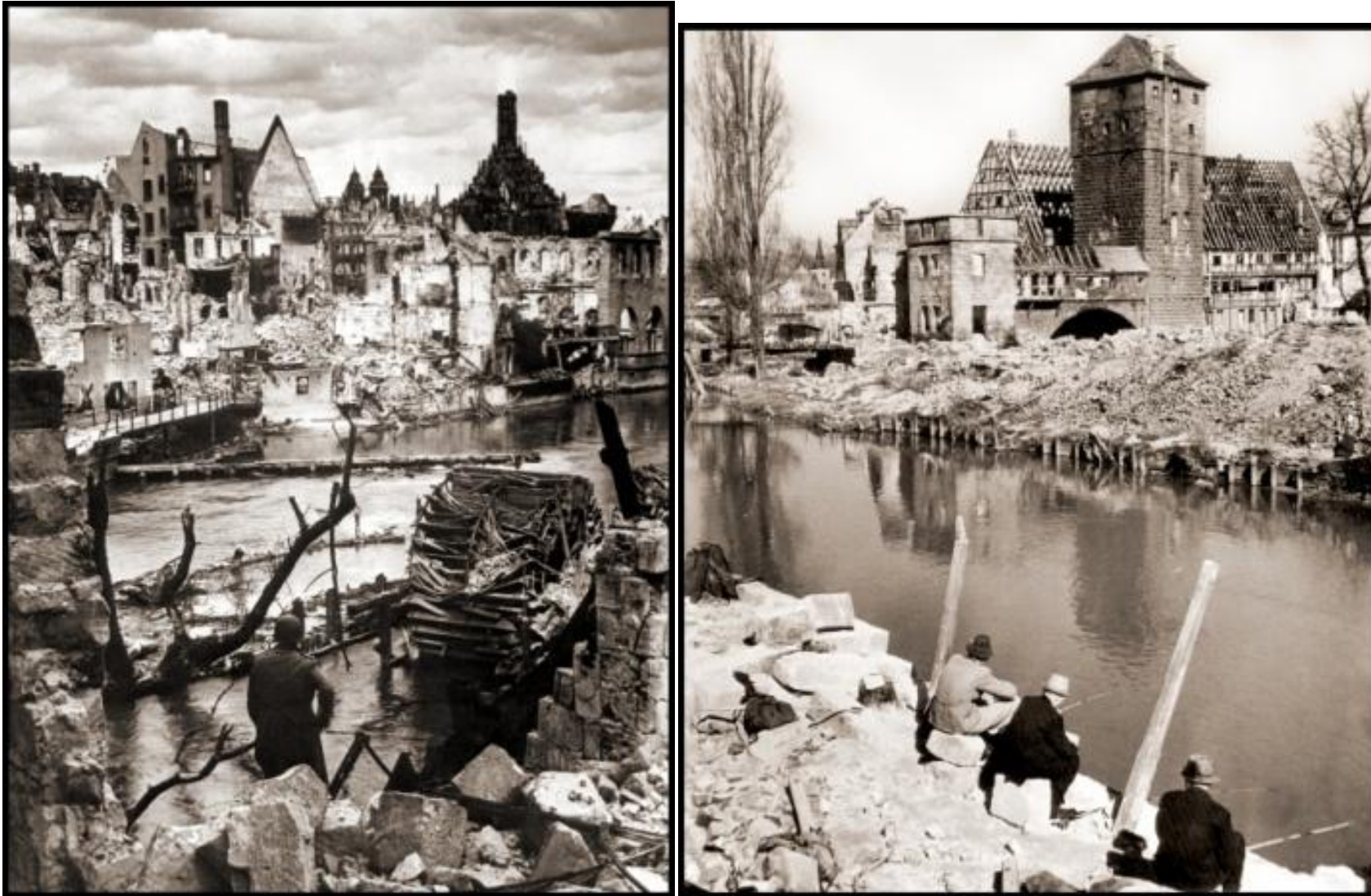
Нынешний устланный деревянными досками мост Kettensteg возник здесь в 1824 году. Этот первый железный висячий мост Германии, 80 метров длиной, сконструированный механиком Иоганном Георгом Купплером, в то время воспринимался как выдающееся техническое достижение. В тридцатые годы XX века мост представлял собой довольно жалкое зрелище. И не только мост, весь город находился в очень жалком состоянии. Что же касается мостика, то только Вторая мировая война помещала городским властям разрушить его как «объект, вследствие своей ветхости не соответствующий облику города партийных съездов». После войны восстановили не только мост, но и башню Schlayerturm. Башня теперь выглядит так, какой её изобразил Альбрехт Дюрер.

Винный Сарай, одно из самых замечательных фахверковых строений Нюрнберга, был заложен на месте бывшего рва предпоследнего кольца городского укрепления между мостами Махbrücke и мостом Палача в 1446 г. Винный Сарай в то время находился за городской стеной северной части города и служил госпиталем. На Страстную неделю (последняя неделя перед Пасхой) больные лепрой могли получить здесь приют на три дня. Прокажённые всегда жили только на милостыню. Они носили специальную одежду с трещоткой, чтобы их можно было сразу узнать, приближаться к остальным людям им запрещалось. Считалось, что эта болезнь является Божьей карой, и больные ею должны нести свой крест самостоятельно. В Страстную неделю прокажённые приходили в этот дом, жили здесь, их обследовали врачи, их кормили и одевали.

При ежегодно возрастающем количестве стекающих к городским стенам страждущих, число которых порой достигало двух тысяч, возникла опасность проникновения в город врагов под видом больных. Это было время Первой Маркграфской войны. Так к этому времени благородная акция постепенно заглохла, и дом на Пегнитце превратился в винный склад. Винный рынок располагался поблизости, на месте нынешней улицы Weinmarkt, и торговцы вином могли хранить в Винном Сарае не распроданное на ярмарках вино. Позже это здание какое-то время служило госпиталем для бедных, а в настоящее время это студенческое общежитие, которое вместе с водонапорной башней и арочным мостом-укреплением через правый рукав Пегнитца образует один из самых романтических уголков старого Нюрнберга.

На оконечности острова Trödelmarkt жил палач. Поэтому крытый деревянный мостик через левый рукав Пегнитца называется мостом Палача.

На этом маленьком острове между двумя рукавами Пегнитца, чудном кусочке старого Нюрнберга был блошиный рынок, знаменитая Тремпала, которую сравнивали с парижскими рынками и даже с Лейпцигской ярмаркой. Живописный берег с теснящимися на нём домиками рыбаков называли «Маленькой Венецией». 8 марта 1943 года этот остров горел ярким пламенем. Ни одной капли воды из реки не пролилось на это пекло. Некому и некого было просить о помощи. В ту ночь на этом кусочке земли исчезли все строения.

От скотобойни, или Мясного Дома, построенного в 1571 г., к настоящему времени сохранилась только нижняя часть внешней стены. Чтобы прикрыть лавки скотобойни, простиравшиеся до самой воды, на углу дома в 1599 г. был построен ренессансный портал с внушительной фигурой быка на нём. Огромные стада этих животных со времён Средневековья гнали по дорогам Европы для снабжения продовольствием больших городов империи. На бронзовой доске наблюдатель обнаружит глубокомысленное изречение на латыни: «*Omnia habent ortus suaque incrementa sed esse quem carnis numquam bos fuit hic vitulus*» (Все вещи имеют своё начало и своё продолжение, но этот бык, которого ты видишь, никогда не был телёнком). Здесь, в самом узком месте русла Пегница два его берега соединены арочным мостом. Это Мясной мост.

При весенних наводнениях мосты здесь были всегда под угрозой разрушения. В 1595 г. после особенно массивного и быстрого таяния снега Городским советом было принято решение о строительстве арочного моста без промежуточных опор. Двадцать мастеров из Нюрнберга, Регенсбурга и Праги представили свои проекты на конкурс. В качестве одного из прототипов рассматривался мост Риальто через Гранд-канал в Венеции. После долгих споров Городской совет позволил нюрнбергским мастерам Петеру Карлу и Якобу Вольфу начать осуществление рискованного проекта.

Мост строился три года, в болотистой почве на каждом из берегов укрепили 2123 дубовых сваи, в большинстве с железными концами. На них уложили огромное количество массивных блоков из песчаника. Только недавно при очередной реставрации моста подсчитали, что для укрепления каждого берега было использовано 2300 тонн камня.

По этому мосту императоры въезжали в северную часть города и по дороге, идущей мимо Рыночной площади, затем между церковью Св. Себальда и ратушей направлялись к императорскому замку на скале, видимому на фотографии.

Арочный Мясной мост устоял в бомбардировках.

И последний пункт нашей прогулки – церковь Святого Лоренца (Лаврентия).

Церковь Св. Лоренца была главной церковью южной части города. В период правления императора Карла IV город развивался очень

интенсивно, число верующих росло, и возникла необходимость перестроить церковь. Между 1385 и 1430 гг. разрушили позднероманские боковые нефы и возвели широкие нефы в стиле высокой готики. Больше сорока лет ушло на строительство расширенного восточного хора, который был закончен и освящён в 1477 году.

Почти в каждом издании, посвящённом западноевропейской архитектуре, приведена фотография нарядного западного фасада нюрнбергской церкви Св. Лоренца. Этот фасад, несомненно, творческая кульминация внешнего оформления готических церквей. Ажурное окно-роза диаметром больше десяти метров, характерный элемент французской готики, единственное на территории Германии. Собственно, окно расположено позади ажурного внешнего венца, лучи которого соединяются внахлёт и создают впечатление движения. Вся красочность этой каменной розы открывается наблюдателю, если посмотреть на неё изнутри храма.

Первое впечатление от внутреннего облика церкви ошеломляющее. Одно посещения недостаточно, чтобы осмотреть это вполне музейное богатство. На фоне позднеготической архитектуры в глаза бросается, прежде всего, изобилие сакральных предметов и произведений искусства. Почти все эти сохранившиеся свидетельства веры относятся к дореформационному времени и связаны с католическими обрядами. В период религиозной смуты в 1525 года эти раритетные произведения, созданные на пожертвования аристократических семей города или их предков, под защитой Городского совета избежали уничтожения. К счастью, через 400 лет эти ценности, своевременно спрятанные в бункере в скале, были спасены от разрушения ещё раз.

Как и церковь Св. Себастьяна, эта церковь хранит произведения выдающихся художников Нюрнберга периода поздней Готики – Адама Крафта (Сакраментхаус), Файта Штосса (Венок «Благовещенье», Распятие), Петера Фишера Старшего (Светильник) и Петера Фишера Младшего (эпитафия пастору Антону Крессу).

Помещение церкви с его огромным объёмом требует соответствующего звучания музыки. После разрушений Второй мировой войны в 1952 году восстановили главный орган, и теперь его трубы обрамляют знаменитую розу западного портала. Лаурентис-орган разместили на северной стене главного нефа, в 2005 году восстановили третий - Стефанус-орган, он висит теперь под сводом хора.

Засим позвольте откланяться. Прогулка закончена. Добро пожаловать в Нюрнберг!

<http://www.rubezh.eu/Zeitung/2010/01/15.htm>

<http://www.rubezh.eu/Zeitung/2010/04/09.htm>

Вот немного истории Германского национального музея.

Ганс фон Ауфзес (1801 – 1872)

Делом жизни Ганса фон Ауфзеса, выходца из старейшей аристократической семьи Франконии, стало создание Германского национального музея в Нюрнберге. Мечта о политическом единстве Германии, возникшая после наполеоновских войн, ещё пребывала в романтической дали, когда прогрессивные деятели страны, одним из них был Гёте, уже призывали к собиранию всего, что связано с отечественной историей. День 6 апреля 1828 г., когда отмечалось трёхсотлетие со дня смерти Альбрехта Дюрера, считается символической датой возникновения Музея немецкой истории. Через два года фон Ауфзес впервые опубликовал каталог «Перечень коллекционеров, собирающих предметы немецкой старины». Позже издание было повторено. Барон собирал всё, что ему представлялось ценным для истории германских земель, то есть для немецкоязычной части Европы.

Вместе с семьёй он переехал из родового имения в Нюрнберг, где организовал первый исторический архив, ставший позже основой Баварского государственного архива. В шести комнатах в доме Шойрля на улице Burgstraße прошла первая выставка его коллекции, ставшая колыбелью будущего Германского национального музея. Аристократическая нюрнбергская семья Шойрль владела огромной библиотекой, которая собиралась с начала XVI века.

В 1852 г., наконец, состоялось открытие собрания, названного «Генеральным упорядоченным перечнем всех материалов по германской истории, литературе и искусству». Барон фон Ауфзес был избран первым директором музея. Немецкий готический город с богатейшей духовной историей, сохранившийся в своей неповторимой красоте, не случайно стал местом, где обосновался этот уникальный музей.

Первоначально собрание размещалось в башне у крепости на площади Tiergärt-nerplatz, но вскоре это помещение уже оказалось тесным.

Разрушающиеся здания бывшего Картезианского монастыря с замечательной однонефной церковью, которая в то время использовалась в качестве конюшни, принадлежали в неравных долях Баварии и Нюрнбергу. В 1857 г. баварский король, благодаря пожертвованию в кассу королевства пяти тысяч гульденов, смог передать в распоряжение музея долю, принадлежащую Баварии. Свою часть город передал музею безвозмездно.

Из всех немецкоязычных областей Европы в подарок или для временного экспонирования сюда стали поступать произведения искусства. Это вскоре позволило музею повысить свой ранг до национального.

Германский национальный музей в Нюрнберге занимает целый квартал территории, когда-то принадлежавшей монастырю. Как и во времена барона фон Ауфзеса в настоящее время этот музей имеет значение не только для Германии, но и для всего культурного средневропейского пространства.

Томас Манн, писатель

«Путевые заметки», 1946

Война оставила пустоты на местах некоторых замечательных архитектурных памятников в старых частях немецких городов. Но я никогда не забуду, как старый директор музея вёл нас по безнадёжно разрушенному Нюрнбергу, надеясь, что мы насладимся видом города. «Это – башня, а там фонтан, – говорил он дрожащим голосом, - только посмотрите, они всё ещё стоят. Дома Дюрера и Пиркхаймера, они узнаваемы, не правда ли? Основное угадывается, главное практически сохранилось...». Ничего не сохранилось, но он уговаривал себя, что это всё ещё можно увидеть. К горлу подступили слёзы. <...>

Галерея Крестного хода бывшего картезианского монастыря, ныне относится к музею.

А вот один из замечательных экспонатов музея.

Файт Штос. «Рафаэль-Тобиас», 1516, липа.

В Ветхом Завете упоминается архангел Рафаэль. Его образ тесно связан с историей Тобиаса-сына, главного героя «Книги Тобиаса». Эти персонажи в то время были очень популярны в Италии. Слепший милосердный иудей Тобиас отправляет своего одноимённого сына на остров Родос за целебным средством. Тобиас-сын по пути встречает юношу, готового сопровождать его в путешествии. Это архангел Рафаэль, он помогает Тобиасу отыскать рыбу, жёлчь которой исцеляет его отца.

А вот ещё один. Об армилле я уже рассказывала выше и даже дважды.

Музей очень интересный. Огромная коллекция фарфора, музыкальных инструментов, кукольных домиков, старейший в мире (из сохранившихся) глобус, старейшее в мире личное огнестрельное оружие. Самый старый кукольный домик, представленный в коллекции музея, относится к 1610 г., здесь даже можно рассмотреть настенную роспись – сцена соблазнения монахини монахом. В лапидарии собрана средневековая скульптура!!!

Работ Дюрера, к сожалению, здесь всего несколько. Вот две из них.

Художник М. Вольгемут. Учитель Дюрера. 1516 г.

Через тридцать лет после окончания учёбы в мастерской Вольгемута Альбрехт Дюрер написал портрет своего учителя, в сопроводительной надписи назвав его «Мастером».

Барбара Дюрер. Мать художника. 1490 г.

В 1467 г. отец Дюрера женился на прелестной молоденькой дочери златокузнеца Иеронимуса Хольпера, в мастерской которого он работал. В семейной хронике Альбрехт Дюрер пишет о своей матери: «Моя набожная мать родила и воспитала 18 детей, часто и тяжело болела, пережила бедность, насмешки, презрение, страх, бесстыдные оскорбления и большие неприятности, однако, всё это не сделало её мстительной».

Дорогие друзья, с наступающим Новым годом!!!

Семьдесят лет назад за два часа двадцать минут исчез город Нюрнберг.

Оглянёмся назад.

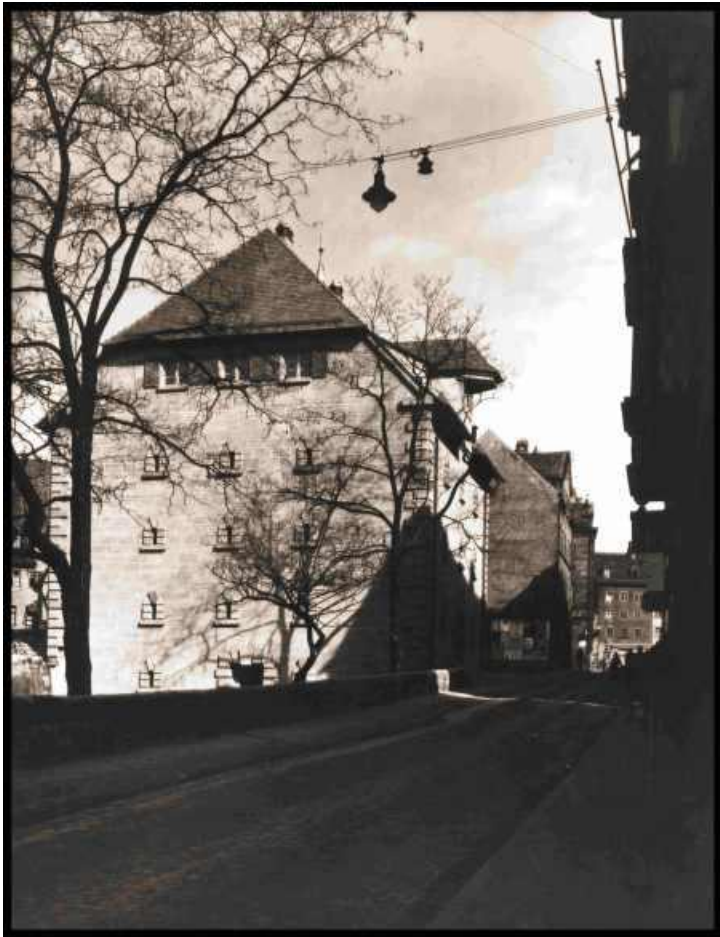
Подготовка к воздушной войне

Чтобы настроить народ на поддержку программы оснащения армии, ещё в 1933 году нацистская партия присвоила высший приоритет пропаганде защиты от воздушного нападения. Нюрнберг был объявлен зоной противовоздушной обороны первой очереди. По сути, готовиться к войне начали в 1935-36 годах. Количество построенных бункеров от года к году росло в геометрической прогрессии. В жизнь постепенно входила грядущая война, в ожидании и в подготовке которой горожане жили все эти годы. Не только взрослые, но и дети привыкали к миру войны. Выпускались детские настольные игры, например, «Бомбы на Англию!» Фишками служили маленькие бомбы. Если бомба коснётся красного пункта (города), то игрок получает 10 пунктов. Если бомба упала в море, то теряются три пункта. В книжках для детей в игровой форме объяснялись правила соблюдения затемнения в городах.

С первых дней войны в наиболее подверженных бомбардировкам северных городах развернулось движение «Отправление детей в безопасные места». В Нюрнберге эвакуация детей началась только в 1943 году, когда участились воздушные налёты. За вывоз детей (слово «эвакуация» избегали) был ответственен Гитлерюгенд. Дети жили в организованных в сельской местности лагерях или у приёмных родителей. Всего до конца войны из города эвакуировали около двухсот тысяч человек.

Что касается Нюрнберга, то с первых дней войны по городу ходили упорные слухи - город будет разрушен. С первых дней войны город, собственно, как и вся Германия, погрузился в темноту. Маскировочные мероприятия проводились также тщательно, как и все остальные мероприятия по подготовке к воздушной войне. В ночные смены на работу и с работы горожане ходили с крошечными фонариками, висящими на груди, чтобы освещать кусочек пути непосредственно перед ногами. Грабежи и нападения были исключены – провинившемуся грозила смертная казнь.

Нюрнберг со своими очень глубокими, в основном, ещё средневековыми, подземными лабиринтами и помещениями и до войны был очень хорошо приспособлен для укрытия народа. Но с началом войны развернулись совершенно беспрецедентные работы по строительству бомбоубежищ. Многочисленные подземные помещения, среди них бункер под «Obstmarkt» (Фруктовый рынок за церковью Богоматери), спасли жизни тысячам горожан. Только в скальных подземных лабиринтах города могли найти защиту восемь тысяч человек. Надземные бункеры слепыми колодами возвышались вокруг Старого города. Один из них выстроили в Старом городе у башни Laufer Schlagturm в 1942 году. И в это, прямо скажем, нелёгкое время, думали об архитектурном облике города. Бункер возвели согласно строительным правилам Нюрнберга – высота до пяти этажей, стены из местного песчаника, крутая крыша и на ней традиционный эркер. Четыре мощные круглые башни по углам крепостной стены также были приспособлены для укрытия горожан, каждая могла на пяти уровнях внутренних четырёхугольных средневековых башен спрятать 450 человек.

Бункер у башни Laufer Schlagturm

Наконец, использовали большие пространства. Так, например, площадь перед вокзалом и площадь Plärrer обустроили рвами с покрытием, которые позволяли спрятаться от осколков. Это были зигзагообразные туннели, проложенные под брусчаткой, куда вели лестницы, защищённые сверху. На самом деле это были очень ненадёжные для укрытия места. К 1 января 1945 года все городские убежища могли одновременно спрятать 260 тысяч человек, то есть половину довоенного населения города.

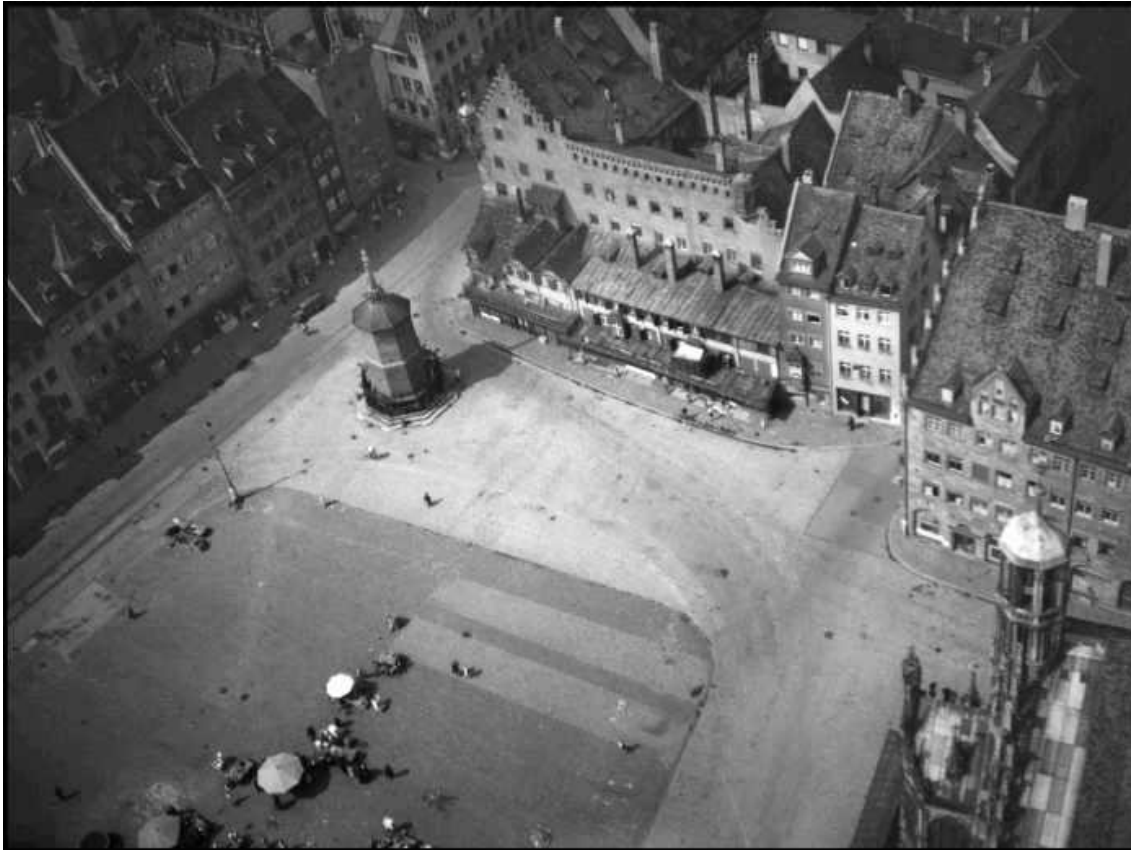
Военные предприятия перевели под землю, для горожан строили укрытия, это были далеко не все проблемы, разумеется. Город имел почти тысячелетнюю историю, его называли «шкатулкой драгоценностей». Об этих драгоценностях тоже позаботились. Почти все исторические сокровища

имперского города укрыли в трёх городских бункерах под Старым городом или в замках и поместьях округи. Пряталось всё, что можно было передвинуть. Первые распоряжения по укрытию в сухих подземных помещениях музейных сокровищ и библиотек поступило от Баварского управления по защите исторических памятников 1 сентября 1939 года. Кроме Кунстбункера на улице Oberen Schmiedgasse, большое хранилище было оборудовано в башне Neutorturm, а также в подземных помещениях под площадью Paniersplatz. Кунстбункер имел совершенно необычное перекрытие – скальный слой до 24-х метров. Установки, поддерживающие соответствующий климат в помещениях, превосходили по своим параметрам подобные устройства, имеющиеся в то время в Германском национальном музее. В Кунстбункер поместили новенькую, изготовленную уже во время войны ... модель Старого города, имея в виду восстановление его после окончания войны.

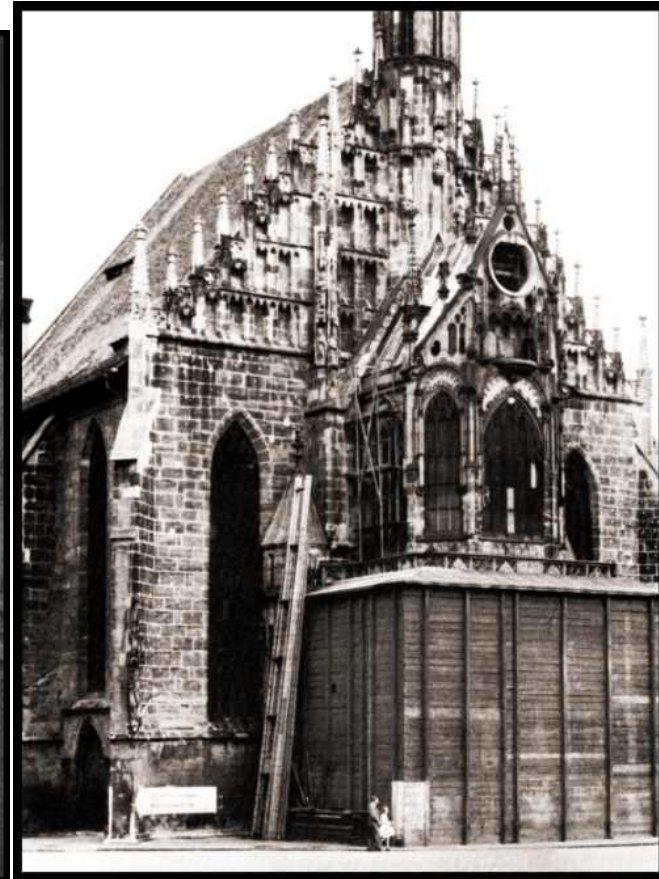

В Кунстбункере и Сакраментхауз в церкви Св. Лоренца

«Непереносимые» ценности защищали бетонными или железобетонными стенами. Портал церкви Св. Лоренца закрывала бетонная стена 14 метров высотой, 10 метров шириной и 40 см толщиной. Прекрасный Источник на Главной городской площади, сакраментхаус Адама Крафта в церкви Св. Лоренца и другие памятники замуровали. Надгробие Конрада Гросса в церкви Госпиталя Святого Духа и гробница святого Себальда были закрыты кирпичными стенами толщиной 51 см и покрыты сверху двумя железобетонными плитами, каждая толщиной 30 см.

Главная рыночная площадь с замурованным Прекрасным Источником

Церковь Богородицы на Главной рыночной площади

1940 год. Взятие Парижа. В городе партийных съездов, естественно, провели «Парад победителей». Торжествующие победители прошли мимо ратуши. А напротив ратуши стоит мощный хор церкви Святого Себастьяна. То есть, скорее, ратуша стоит напротив хора, так как она моложе хора лет на двести. А в нише стены хора с 1492 года – каменный рельеф знаменитого Адама Крафта. Победители проходили мимо уже забетонированной ниши. Это был июнь 1940 года.

Но это далеко не всё. В начале войны начались работы по защите зданий. Так, например, от старой пыли были очищены чердаки и своды церквей, чтобы избежать взрывов при высокой температуре. Деревянные конструкции крыш по возможности постарались удалить, оставшиеся обработали специальным противопожарным веществом. Особенные меры были проведены в крепости: окна замуровали, полы засыпали песком, лестничные пролёты закрыли асбестом, стены зданий стянули анкерами. В конце концов, на ценных исторических строениях поместили щиты – «Исторически ценный» или «Исторически очень ценный», чтобы при спасении зданий можно было понять, какие из пострадавших зданий более важные. В случае отдельных попаданий это играло какую-то роль, но в море пламени 1945 года эти таблички были абсолютно бессмысленны.

Беспрецедентной также была густая сеть водохранилищ - от чанов с водой во дворах, на площадях и улицах до прудов у стен Старого города (использовался крепостной ров).

В разгар войны из больших городов Германии, уже переживших бомбардировки, приезжали делегации, чтобы перенять опыт по защите от воздушных налётов.

Поразительна тщательность, продуманность и грандиозность всех этих мероприятий.

Гибель имперского города

Нюрнбержцы знали дату задолго до наступления этого дня, как вспоминают свидетели. 2 января 1945 года. В 2015 году исполняется 70 лет со дня этой британской бомбардировки города. Первые бомбы упали в 19:20, в 21:40 был дан отбой. В этот вечер была полностью потеряна историческая субстанция средневекового города. Барочный Дрезден в войне потерял 300 лет своей истории, готический Нюрнберг – ВОСЕМЬСОТ лет. 1800 погибших.

Густой туман лежал над Нюрнбергом. Несмотря на холодный январский воздух снега не было. Это был вторник, первый рабочий день Нового года. Спокойные праздничные дни остались позади. Тихо и уютно. В последние недели воздушные налёты ощутимо прекратились. Только тревожное напряжение ожидаемых событий не отступало. Армия союзников стояла у западных границ Германии. Сообщение о наступлении 16 декабря в Арденнах генерала Рундштедта нюрнбержцы приняли с большим скепсисом. Удастся ли ещё раз большой стратегический маневр - отрезать от основной армии северный фланг союзников танковым клином и прижать их опять к каналу?

Ответ на это вопрос пришёл в рождественские дни. Из уст в уста передавалась новость – «Наступление Рундштедта провалилось, всё потеряно. Скоро наступит мир». И ещё одна новость безудержно распространялась по всем самым отдалённым уголкам города. Она была очень опасна, поэтому передавалась только тем, кому доверяли. Возможно, новость пришла с враждебной пропагандистской радиостанции. Каждый опасался строгого наказания. Но новость была слишком важной, чтобы хранить её про себя – Рузвельт спланировал налёт на Нюрнберг. Почему именно Рузвельт, и прямо-таки на Нюрнберг, ни один человек не мог объяснить.

В этот день в городе с утра стояло необъяснимое напряжение. Незадолго до наступления полудня горожане услышали первую предупредительную тревогу. Никто ничего точно не мог сказать. Были ли уже вражеские самолёты в пути к Нюрнбергу или целью был выбран какой-нибудь другой город?

«Внимание, внимание!» - настойчиво раздалось из громкоговорителя в центральной службе воздушной обороны Нюрнберга, - «Тяжёлые британские бомбардировщики движутся широким фронтом от Аахена до Страсбурга, планируемый квадрат «Toni-Berta» и «Siegfried-Cäsar». Ожидается грандиозный налёт на Нюрнберг». Стремительно разнеслось это сообщение по всем противоздушным пунктам защиты.

Между тем, город уже погрузился в темноту. Нюрнберг был образцово замаскирован. Зенитные и прожекторные батареи находились в наивысшей степени боевой готовности. Управляли ими в большинстве призванные на службу юные девушки, русские добровольцы, работавшие тут на принудительных работах, и ребята из Гитлерюгенда. Везде царило тревожное напряжение. Работники дневных смен были отпущены домой. На улицах тишина. Только трамваи двигались своими маршрутами по расписанию. Снова раздался голос из громкоговорителя: «Минимум 1000 британских бомбардировщиков и сопровождающих колонну самолетов в пути к Нюрнбергу! Две группы бомбардировщиков, «ланкастеры» и скоростные «москито», объединились в 150-ти километрах от Нюрнберга со стороны юго-запада. Через 45 минут машины достигнут города. Высшая степень готовности!»

В 18:30 раздался звук предупредительных сирен. Снять напряжение не смог даже диктор, голос которого обычно успокаивал горожан подобно валериановым каплям, за что его называли «Дядюшкой Балдрианом» (Baldrian-Валерьянка). В этот раз голос дядюшки Балдриана ощутимо дрожал, как если бы его владелец должен произнести молитву перед лицом смерти. В 18:43 вновь взвыли сирены. Страшно и таинственно одновременно.

Первые самолёты-разведчики прорвались сквозь круг зениток и зависли над центром города. В один момент всё осветилось, свет залил город так, как будто на мгновение наступил день. Вспыхнули осветительные ракеты. Шестью минутами позже упали первые бомбы. Детонация заполнила воздух, казалось, раскололась земля. Тысячи зажигательных бомб всех калибров обрушились на дома. Сотни тысяч фосфорных стрел падали дождём, огонь съедал всё, до чего мог дотянуться.

Церкви падали как карточные домики. Башни Св. Лоренца дрожали, но держались. Мощные колокола колыхались от движения воздуха. Весь Старый город превратился в море пламени. Плотные тучи из дыма, адская жара, огненный ураган нарастал. ... Огонь бушевал всю ночь. Горел весь город от крепости до реки и от реки до южной стены.

Это был не первый и не самый массивный авианалёт на Нюрнберг, но самый разрушительный. Все очаги пожара потушили только через 10 дней. Двух часов и двадцати минут оказалось достаточно, чтобы знаменитый на весь мир город превратить в груды развалин. Случились только отдельные удачи. Крепость была разрушена, но Двойная капелла и крепостные стены и многие башни остались почти невредимыми – возможно, маленький успех предпринятых мероприятий? Знаменитое готическое окно-роза на церкви Св. Лоренца осталось не защищённым, но судьба уберегла его. До взятия города американцами пройдёт ещё более трёх с половиной месяцев. Ещё несколько авианалётов переживут горожане. Но этот день стал символом падения Нюрнберга.

Улица Karolinenstraße с церковью Св. Лоренца. 1919 год.

Улица Karolinenstraße с церковью Св. Лоренца. 1945 год.

19 марта 1945 года Гитлером был издан приказ по мерам, предписываемым в случае сдачи территории врагу - повсеместное разрушение всех коммуникаций и предприятий на территории империи. Это был приказ «Нерон», согласно которому при приближении врага к городу приказывалось уничтожить городскую инфраструктуру - газопроводы, водоснабжение, очистные сооружения, мосты и электростанции. Из-за хаоса в последние дни этот приказ нигде не был исполнен. Только 6 мая 1946 года преемник Гитлера Дёниц официально его отменил.

Бургомистр Нюрнберга Либель был предан Гитлеру и готов был защищать город и фюрера до последнего. Благодаря его усилиям символы имперской власти были перевезены из Вены в Нюрнберг. В конце марта 1945 года по его инициативе были перепрятаны пять основных артефактов из этого собрания. Тогда же он поехал проститься с семьёй и вернулся в город, чтобы его защищать и погибнуть в подвале Полицейского управления, последнего бастиона защитников Нюрнберга. Среди «защитников» были, конечно, разные люди. Кто-то готов был погибнуть, кто-то пытался скрыться, кто-то в кого-то как предателя стрелял. Последние защитники перемещались по подземным переходам Старого города между двумя штабами – на севере под нынешней площадью Papierplatz и под Полицейским управлением на юго-западе Старого города. В конце концов, оставшиеся в живых убеждённые и те, кому не удалось сбежать, по подземным переходам собрались в подвале Полицейского управления.

Хертельсхоф. 1895 год.

Хертельсхоф. 1945 год.

Битва за Нюрнберг.

Битва за город продолжалась 5 дней. Для Седьмой Американской армии взятие города было важнейшим символом. Разрушенный Нюрнберг уже не имел никакого стратегического значения. Военная защита города по причине общей ситуации и по причине превосходства американской армии была бессмысленна. Приказ «Нерон» не был исполнен. Важная инфраструктура сохранилась.

Но так как Нюрнберг был городом имперских партийных съездов, он имел, по мнению союзников, особенное политическое значение. Поэтому взятие Нюрнберга американской армией вылилось в «Битву за Нюрнберг». С немецкой стороны речь шла об 11-12 тысячах военных и ополченцев старше 14-ти лет. Оснащение этой армии было уже почти никакое, не было ни одного танка, ни одной единицы тяжёлой артиллерии.

Командование со стороны американцев осуществлял генерал О'Даниэль, командир Третьего пехотного дивизиона. Подразделение насчитывало 100 тысяч бойцов, в битве участвовало около 30 тысяч человек. На вооружении были танки и тяжёлая артиллерия.

Вот так описывал один нюрнбергский школьник участие своего пятидесятилетнего отца в защите города в эти дни:

«Вооружён он был французским карабином 1865 года, десятью патронами, подходящими только к итальянскому карабину 1870 года и ручной гранатой без взрывателя. Во рву перед крепостью стояли два быка, которых намеревались использовать для пропитания во время осады крепости врагом. ... Вся его деятельность свелась к поднятию белого флага и передаче крепости освободителям».

Писал эти строки, по-видимому, уже достаточно выросший школьник, для него бывшие враги уже ощущались освободителями.

Американцы намеренно предоставили защитникам возможность уйти из окружённого города со стороны юго-востока. Таким образом пытались избежать потерь, но немецкая сторона, несмотря на слабость, искала возможность начать сражение, что историками позже было расценено как безрассудство. Немецкие отряды, не считая отдельных дезертиров, не отходили. Около полудня 16 апреля 1945 года началась битва за Нюрнберг.

Погода в период основных сражений стояла по-весеннему тёплой и ласковой. Было сухо. Так как со 2 апреля в Германской империи устанавливалось летнее время, то боевая активность начиналась очень рано.

16 апреля гауляйтер (высшая партийная должность областного уровня) Хольц отдал пресловутый приказ «Нерон» об уничтожении городской инфраструктуры и даже получил подтверждение о том, что приказ исполнен. Кто не передал этот приказ дальше по сети, осталось неизвестным. Позже Хольц отдал ещё один запомнившийся всем приказ - раздать народу стратегические запасы еды (мясо и масло), чтобы последние не попали в руки американцев в случае, если город окажется в их руках. Благодаря этому у многих горожан битва за Нюрнберг ассоциировалась с первым роскошным обедом (2 килограмма мяса на персону). С марта 1945 года нормальным считалась недельная норма 1700 грамм хлеба, 250 грамм мяса, 125 грамм сала.

17 апреля город был обстрелян артиллерией. Обращение американского командования к обер-бургомистру Либелю о прекращении огня и сдаче

города осталось без ответа. Может быть, это было решением фанатика гауляйтера Хольца, позиция которого как партийного лидера была сильнее. В этот день американцы значительно продвинулись с севера, востока и юго-востока.

18 апреля усилилось противостояние защитников города. Начались бои за каждый дом. К вечеру американские части плотно стояли на расстоянии приблизительно одного километра от стен Старого города. Ночью командование покинуло свой бункер под площадью Paniersplatz, так как он оказался на расстоянии броска гранаты от американских частей, и сосредоточилось в бункере под зданием Полицейского президиума, что за башней Weißer Turm. «Нюрнбергский котёл» замкнулся. Хольц обменялся телеграммами с Гитлером, пообещав защищать город до последнего человека.

Утром 19 апреля без борьбы сдался Фюрт. К вечеру американцы уже непосредственно у стен Старого города.

20 апреля – день рождения Гитлера. Ранним утром в этот день в кабинете Хольца застрелился или был застрелен Хольцем обербургомистр Либель. После передачи американцам системы туннелей, расположенных под крепостью, обстрел артиллерией прекратился. Бессмысленные бои на улицах, тем не менее, продолжались, результатом были потерянные жизни и новые разрушения. В бункере Полицейского президиума несколько сот мужчин под руководством гауляйтера Хольца продолжали сопротивление до вечера.

Ранним вечером 20 апреля на бывшей площади Адольфа Гитлера, Главной торговой площади, генерал О'Даниэль провёл парад. По этому случаю сменили табличку с названием площади на «Eiserner Michael Platz» (Площадь Железного Майка) по имени генерала. В этот же день площадь переименовали ещё раз – присвоили имя Рузвельта. Последняя точка сопротивления всего в одном километре от площади была подавлена именно в момент парада. На юге города отдельные группы немецких солдат мародёрствовали, используя своё оружие. В бессмысленной битве за Нюрнберг в эти пять дней погибло около 900 человек.

Парад на Главной площади Нюрнберга.

Каждый немецкий город в эти дни имел свою собственную судьбу.

Фюрт. Город, история которого тесно связана с историей Нюрнберга вот уже почти 1000 лет. Десять процентов городских строений были уничтожены в бомбёжках. Всех мучил вопрос, почему город, находящийся всего в десяти километрах от Нюрнберга, практически, сохранился. Единственное, что приходило в голову – американцы пощадили еврейский город Фюрт. К апрелю здесь было очень много беженцев, потерявших кров. Около 5000 раненых находились в больницах и лазаретах города. Городские власти попытались убедить военного коменданта Нюрнберга, западным форпостом которого считался Фюрт, объявить город свободным. Все попытки были безрезультатными. В начале апреля Хольц отдал приказ строить защитную линию. Всех не подчинившихся он угрожал «поставить к стенке».

Бургомистр Фюрта очень осторожно провёл разговоры с главой городского правления и с военным комендантом города, убедив их в бессмысленности сопротивления. В результате город был передан американцам без единого выстрела.

Если говорить о последних днях Нюрнберга, то невозможно не упомянуть **университетский город Эрланген**, город клиник и лазаретов, в которых находилось около семи тысяч раненых. В отличие от Нюрнберга Эрланген не бомбили. Горожане надеялись, что город лазаретов пощадят. С1944 года в Эрлангене было организовано народное ополчение, во главе которого стояла городская интеллигенция. Эрланген рассматривался гауляйтером Хольцем в качестве северного форпоста на пути к Нюрнбергу. Распоряжение рыть окопы ставило город под удар. Последние оптимисты были в отчаянии. Встать на защиту города означало одно – потерять его со всеми, кто в нём находился. В начале апреля в город прибыл майор СС, принёсший приказ персонально от Гимmlера – жители Эрлангена обязаны защищать каждый сантиметр своей земли, не обращая внимания на огромное число раненых. Невыполнение приказа грозило расстрелом.

Решение сдать город противнику приняла группа заговорщиков во главе с обер-бургомистром и военным комендантом Эрлангена, старшим лейтенантом Лорлебергом, в их числе. Город и людей удалось сохранить, но Лоренберг был застрелен противниками мирного решения.

Ротенбург на Таубере. В 1950 году верховный комиссар зоны США в Германии Джон Макклой дал письменные показания о том, что он лично вычеркнул Ротенбург на Таубере из списка городов, предназначенных для бомбёжек. Его матушка до войны посетила этот город и с восторгом рассказывала ему о чуде сохранившемся средневековом городе. Однако, в марте 1945 года американская эскадрилья, направлявшаяся на задание разбомбить нефтехранилище в Эбрахе, из-за тумана сбилась с курса и сбросила свой груз, как потом оказалось, на Ротенбург. Сорок пять процентов исторических строений были разрушены.

В апреле 1945 года сказочный средневековый город защищался неистово. 16 апреля американцы подошли к стенам города. Командование считало для себя позором в эти последние часы войны обстреливать исторический средневековый город, на переговоры были отправлены шестеро парламентариев с белым флагом. Вот фрагменты воспоминаний одного из участников.

В ожидании начальства разговорились с фрицами, помогая себе жестами. Солдаты рассказали, что за последние три дня прошагали около двухсот километров, что кормят их хуже, чем свиней. Но есть шнапс и пиво.

Спросили: «Рузвельт это хорошо?»

«Хорошо, но он умер».

«Кто новый президент?»

«Трумэн».

«Это хорошо?»

«Хорошо».

Один из солдат говорил на английском: «Я надеюсь, что эта проклятая война вскоре закончится. Я хочу домой». В этот момент вошли два эсесовца. Один из них сказал: «Война закончится только тогда, когда мы её выиграем». Потом приказал солдатам отойти. Нас с завязанными глазами повезли по городу к начальству. Я нагнул голову к плечу и в щелку смог увидеть на перекрёстке группу мужчин, которые грозили нам кулаками, кричали и плевали в нашу сторону. Переводчик сказал: «Они называют нас собачьим отродьем. А мы хотим спасти их проклятый богом средневековый город». Командир с немецкой стороны сообщил, что он и рад бы сдать город, но не может взять на себя принятие решения и должен запросить высшее начальство, ответ которого можно получить только часа через четыре. Мы связались с нашим командованием и получили согласие отложить взятие города до утра. Затем быстро обменялись касками с солдатами и отсалютовали. Офицер ответил нам американским приветствием, некоторые из солдат вытянули руку вперёд, громко щёлкнули каблуками и прокричали «Хайль Гитлер!». «Как в кино», - подумал я. Нам опять завязали глаза. ...

17 апреля рано утром американские части вошли в пустой Ротенбург. Немецкие отряды ушли в леса, взорвав на прощанье двухъярусный мост XIV века через Таубер.

Американская улыбка

Лени Рифеншталь после войны оказалась во французской зоне, часть же её фильмов хранилась в американском секторе. С трудом добилась она разрешения отправиться туда, чтобы отыскать свои материалы. В своей автобиографической книге она рассказала о впечатлениях от посещения американской зоны. Первое, что её просто потрясло по прибытии из мрачного французского сектора, были улыбки. Всюду она видела улыбки, от которых за последние годы все отвыкли. Улыбались все – и немцы, и американцы. Американцы привезли в Европу не только привычку улыбаться, но и джаз – улыбку музыки.

Дэйву Брубеку, американскому солдату, в будущем знаменитому джазовому пианисту, в 1945 году было 25 лет. Он не был в Нюрнберге 20 апреля. Третья армия США под командованием генерала Паттона, где служил Брубек, брала в эти дни Регенсбург. В Нюрнберге он оказался 27 апреля. «Мы репетировали с армейским оркестром на какой-то фабрике. Хотя тогда братание было запрещено, я подружился с одним немцем. Звали его Ганс Германн Флюгер, ему было 19 лет, на восточном фронте он потерял ногу. На костылях Ганс проковылял несколько километров, чтобы послушать нашу

музыку. Это меня очень растрогало», - вспоминал пианист.

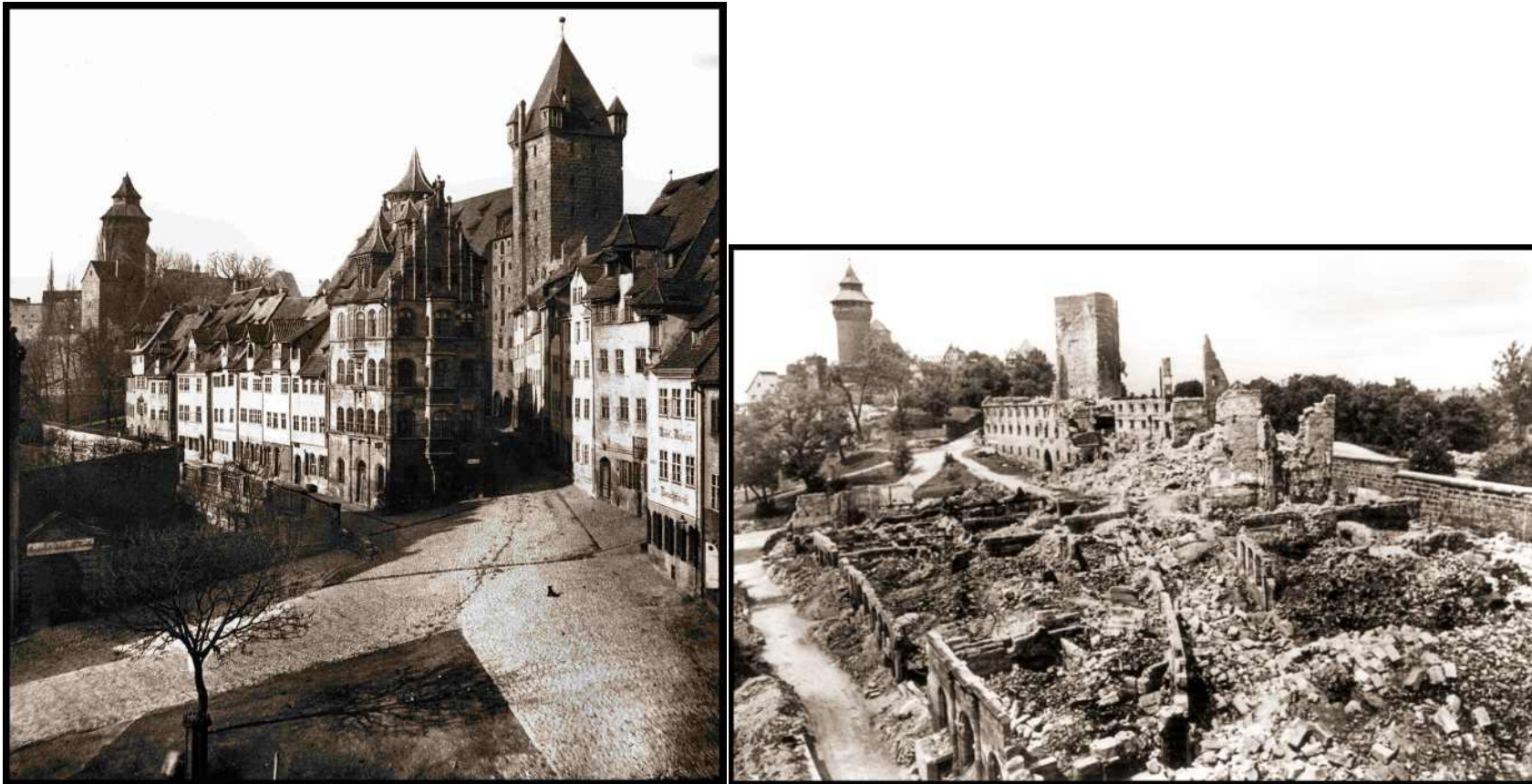
В Оперном театре самого немецкого из немецких городов оркестр американского солдата, калифорнийца Дэйва Брубeka, впервые играл негритянскую музыку. Оркестр, организованный из выздоравливающих солдат, иронически был назван «Волчья стая» - (Wolfsrudel-Orchester - нем. или – Wolf Pack Jazz Band - англ.) - тактика преследования подводными лодками кораблей противника. «Половина ребят носила следы ранений, и они все имели куда более высокое IQ, чем все их офицеры». Игра американцев покорила нюрнбержцев.

На Нюрнбергском процессе он не был, но следил за ходом заседаний, встречаясь в соседнем здании в столовой с русскими и американскими солдатами, шофёрами и переводчиками.

В Байройте группа Дэйва Брубeka играла в театре Вагнера. «Вагнер бы умер, узнай он об этом. Там мы жили в доме рядом с театром, где ночевали Геринг и Геббельс. С ума сойти! Мои ребята и ещё несколько музыкантов жили в комнатах Геббельса или Геринга! Там было потрясающее собрание пластинок - итальянские оперы. Мы получили огромное удовольствие, слушая эту музыку».

В 1945 году Брубек сочинил две композиции - “We crossed the Rhine” (Мы перешли Рейн) и “Weep no more” (Больше не плачь).

Через 60 лет, в ноябре 2005 года Дэйв Брубек посетил Нюрнберг в связи с 60-тилетием начала нюрнбергских процессов и дал концерт. «Джаз может выразить чувства каждого человека. И, конечно, джаз может быть использован в политических целях. Посмотрите: Сталин запретил джаз, так как он думал, что эта музыка отражает упадничество буржуазии. Для Гитлера джаз был негритянской музыкой и зеркалом общества ублюдков. Это показывает, как диктаторы боятся свободного выражения личности. При Гитлере и Сталине исполнение джаза могло стоить жизни. Для многих джаз был символом и голосом свободы. Но это не анархия, это дисциплина и ответственность. Джаз может быть метафорой демократии».

Топплерхаус на фоне крепости. 1865 год.

Башня Luginsland (на верхней фотографии справа) упала в ров и рассыпалась. На нижнем снимке нет и следа её. Возвышается обрубок Пятиугольной башни. На верхней фотографии эту башню заслоняет роскошный дом семьи Топплеров. Помните бургомистра Ротенбурга на Таубере Генриха Топплера, которого обвинили в связи со смещённым королём империи Венцелем и тайно казнили в 1408 году? Его семья покинула город и обосновалась в Нюрнберге.

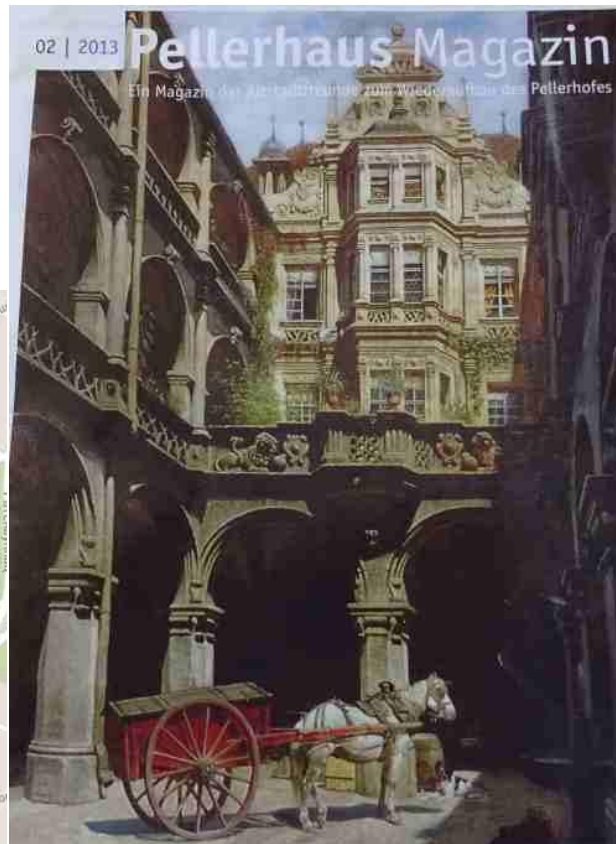
Справа место, где стоял Топплерхаус, на фоне развалин крепости. 1945 год.

По разрушениям (90% строений) в списке городов Германии Нюрнберг стоит на втором месте, следом за Дрезденом.

Но удалось сохранить 90% всех ценностей города, накопленных за многие столетия.

По количеству человеческих жертв среди больших городов Германии Нюрнберг стоит на последнем месте.

Дорогие друзья, если кто-то из вас окажется в Нюрнберге в одну из суббот в течение ближайших двух-трёх месяцев, приходите в 15 часов дня на экскурсию по следующему адресу.

Привожу свежее объявление для нюрнбержцев.

Двор Дома Пеллера

С начала XVII в. до конца Второй мировой войны украшением площади Egidienplatz был Дом Пеллера. Не существовало ни одного горожанина севернее Альп, кто построил бы для себя столь роскошное здание, как это сделал Мартин Пеллер, купец, контролировавший, в сущности, всю торговлю льном в центре Европы.

Описание этого дома, построенного в стиле немецкого Ренессанса, можно было тогда встретить во всех изданиях, посвящённых европейской архитектуре. В 1945 году здание было почти полностью разрушено и исчезло из всех архитектурных справочников Европы. В 50-е годы восстановили первый этаж галереи внутреннего двора и первый этаж дома, реконструировав при этом часть холла с позднеготическим сводом. В 2007 г. известный нюрнбергский предприниматель Карл Диль в день своего столетия внёс в кассу объединения «Друзья Старого города» (Altstadtfreunde) полмиллиона евро на восстановление когда-то роскошного внутреннего двора. Тогда же провели опрос горожан, чтобы оценить сумму пожертвований. Через год от Городского совета было получено разрешение на проведение работ. Восстановление проводится исключительно на пожертвования. Бóльшая часть работ уже выполнена.

Инициативная группа друзей союза «Altstadtfreunde» начала акцию по сбору средств от русскоговорящих нюрнбержцев на «камень» для Двора Пеллера. В плане фасада можно выбрать определённый камень соответственно внесённой сумме, а потом им гордиться, показывая внукам и правнукам.

На Городской торговой площади Старого города есть дом, в котором с 1531 года и доныне расположен книжный магазин. Семья Корн купила магазин в 1834 году, в 1919 он перешёл в руки семье Берг и стал называться «Korn und Berg». В 2004 году магазин был куплен семьёй Кистнер, в 2006 году – генеральное санирование помещения. Роспись потолка выполнена художником Юргеном Рёснером.

Здесь изображены две работы Дюрера – автопортрет (оригинал в Лувре) и "Сальватор Мунди" (лат. Спаситель мира, не окончена, хранится в Метрополитен-музее в Нью-Йорке).

Ещё раз помешу ссылку на ролик этого магазина. Идея принадлежит последним владельцам, они же и сняли ролик. Консультировал аргентинский историк искусства, художник, фотограф Пабло де ла Риестра. Он влюбился в Нюрнберг, живёт здесь уже около 15 лет.

<https://www.youtube.com/watch?v=puQPxCi5kxY>

<https://forum.vary.ru/viewtopic.php?t=8725&postdays=0&postorder=asc&start=255>